

ПРАВОМЕРНОЕ ПОНЯТИЕ ЛИЧНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Б. А. ОСИПЯН

*ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова»,
г. Москва*

Аннотация. В своей автор раскрывает теоретическую сущность и социальное значение всякой правомерной власти и управления.

Ключевые слова: личная и публичная власть, теоретическая сущность власти, социальное значение правомерной власти и управления.

Всякая реальная и долговременная власть представляет собой определенную меру животворной силы высшего Духа, которая сама, будучи невидимой и нематериальной, проявляется во всем действительном. Именно Дух Божий является безмерной мерой для оправдания всех установленных земных властных учреждений и инстанций, а не наоборот. Не органы власти по какому-то высшему праву преподают себя Духу, а Дух, по милости своей, преподает себя органам власти. Будучи самостоятельным и свободным, Он ведет, направляет и упорядочивает, обладает и управляет всем душевным и материальным, но не порабощает их [1, 2].

Для того чтобы быть правомерными, всякое принуждение, сила, власть или авторитет должны содержать в себе чувство и идею любви, а также достаточную способность упорядочивать нечто подлежащее. В политико-правовом значении всякая власть или авторитет представ-

ляют собой официально установленную инстанцию, воля и решения которой являются окончательными для остальных структур общества и подлежат немедленному исполнению. В духовном значении никакая часть (официальное лицо или узаконенное учреждение, первосвященник или отец семейства) не может иметь в своей зависимости социальное целое, а только Дух Божий, благодаря которому образуется это целое. Потому духовно-нравственный авторитет и власть представляют собой свободно признанный людьми действующий факт, а не просто узаконенную привилегию кого-то быть выше другого и на основании этого навязывать ему свою волю и мнение. Например, как известно, истинность православной христианской веры зиждется не на авторитете или власти каких-то людей или узаконенного учреждения, а на действии Духа Святого, взаимной любви и смирении. Потому в сфере духовной любовь вытесняет возмож-

ность всякого авторитета и власти и всегда довлеет над ними как нечто изначально и несравненно высшее. В этом смысле, как говорил св. Иоанн Златоуст, священство гораздо выше царской власти [3].

Всякая истинная духовная или светская власть является мерой установления и сохранения жизни и силы чего-то целого в определенном и надлежащем порядке. Для верующих христиан Христос, в «котором обитает вся полнота Божества телесно, есть глава всякого начальства и власти» [4, Кол. 2: 9–10]. Он же, податель всех жизненных сил и всякой власти, предупреждает: «не наложу на вас иного бремени, только то, что имеете, держите, пока приду. Кто побеждает и сохраняет дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, И будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я получил власть от Отца Моего» [4, Откр. 2: 24–27]. В обществе и государстве эта мера жизненной силы фактически дает ее обладателю способность и возможность свободно и ответственно распоряжаться определенными людьми и вещами по своему усмотрению, гарантировать порядок и дисциплину [5].

Поскольку всякая истинная жизнь, порядок и власть изначально исходят только от Бога, то все, что изначально противно воле Бога, в конечном счете безжизненно и безвластно, неистинно, потому и неправомерно. Истинная власть пребывает только в рамках богоустановленного, правомерного порядка, ибо «Бог сокрушает сильных без исследования и поставляет других на их места» [6, Иов. 34: 24]. Согласно Священному Писанию существует иерархия бесплотных сил, служебных духов, которые посыла-

ются на служение для тех, которые имеют наследовать спасение [4, Евр. 1: 14]. Это девять чинов сообразно их природе и деятельности: престолы, херувимы, серафимы, силы, господства, власти, начала, архангелы и ангелы-вестники, которые возвещают людям Божественные повеления и призваны приводить в исполнение волю Божию – право [7].

В духовном аспекте существует три типа власти: власть религиозного учения (*potestasmagisterii*), власть религиозного освящения (*potestasministerii*) и власть управления (*potestasjurisdictionis*). В Боге все они едины и взаимосвязаны в своем проявлении и действии. И потому лишь богоугодная сила-власть является неотъемлемым элементом истинного права и всего правомерного [8]. Истинная и долговечная власть представляет собой духовную, нравственную, разумную, реальную и правомерную силу и способность одного человека благотворно повлиять на чувства, мысли, поведение и жизнь других людей в соответствии с вечной и неизменной волей и заповедями Бога. Говоря о высшем источнике всякой власти, Христос замечает Пилату: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» [4, Иоан. 19: 11], ибо Бог есть единственный вечный и истинный источник всякой временной земной власти, которую надо почитать должным образом [4, Мат. 22: 21; Рим. 13: 1–7]. Потому никакая земная воля и власть не может быть приоритетнее воли и власти Божественной: «Судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога?» [4, Деян. 4: 19]. Если такая сила и способность не соответствуют волеустановленному порядку Творца мироздания, Его объективным законам, то они являются

богоборческими, безнравственными, неразумными, неправомерными, разрушительными и дестабилизирующими этот свыше установленный порядок, т. е. силой, которая, в конечном счете исчерпывается и уничтожается вместе с восстановлением этого порядка.

Как говорит святой апостол Павел преизбыточная сила приписывается всевышнему и всемогущему Богу, а не людям [4, 2 Кор. 4: 7], и Господь испытывает не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие состоит в силе, и не только в силе с железом, но, прежде всего, в силе любви и духа кротости [4, 1 Кор. 4: 19–21]. Посему никакая, даже самая большая и долговременная человеческая сила и власть сами по себе, независимо от своей богообразности и проведенческой целесообразности, автоматически не являются элементом права, т. е. правоммерной и упорядочивающей силой, а только та сила и власть, которые по своей сущности, содержанию, целевому направлению, форме и применению производны от Сущего, от Его абсолютной и вневременной и безотносительной воли. Например, если бы государственно-организованная сила и власть фашистской Германии над народами поработенной Европы продлилась бы даже на целые века, но оставалась бы в противоречии с объективным законом национального достоинства и права свободного самоопределения по историческому предназначению этих народов [9, 10], то такая сильная власть все равно не могла бы на основании только своей масштабности и долговременности считаться правоммерной, поскольку изначально являлась безбожной, безнравственной и необычной. Стало быть, не только и не столько пространственно-времен-

ные пределы силы и власти являются действительными критериями их правоммерности, сколько их сущностное бытие, содержательно-целевая направленность и форма их практического применения в человеческих взаимоотношениях [5].

Вот основы властеотношений в человеческом обществе, которые проистекают из заповедей Божиих и предустановленного Им порядка. Бог не есть Бог неустройства, но порядка и мира, и потому вера в Него способствует укреплению надлежащего правопорядка в целом [4, 1 Кор. 14: 33]. «Им, Богом, создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое; престолы ли, господства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; И Он есть прежде всего, и Им все стоит» [4, Кол. 1: 16–17]. «Вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти» [4, Кол. 2: 10]. «Для того самого Я поставил тебя (фараона, царя, короля, президента, премьера. – *Б. О.*), чтобы показать над тобою силу Мою, и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле. Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает. А ты кто, человек, что споришь с Богом? Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» [4, Рим. 9: 17–21]. Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. «Все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков» [4, Кол. 3: 22–23]. «Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах» [4, Кол. 4: 1]. Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Учить жене не позволено, ни властвовать над

мужем, но быть в безмолвии, ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием. ... Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» [4, Кол. 3: 18–21; 1 Тим. 2: 12–15].

Как известно, в истории человечества постоянно распадалась одна человеческая власть за другой, исчезали великие империи, терпели поражения кесари (по-армянски Кес-ар, Caes-ar), т. е. полубогии все, что было кесарево: суеверия, армии, деньги и т. д. Однако сохранилась необходимость и положительный смысл власти в человеческом обществе, которая заключается в богоустановленном управлении людьми в условиях греха и зла, направленном на достижение благ духовного освобождения и спасения людей [11]. Власть (*potestas*), имеет своим глубоким смыслом способность, полученную свыше от Бога для реализации Его воли, т. е., по сути, является правомерной силой и возможностью сотворить что-нибудь в соответствии с волей Бога. Это значит, что всякая сила, идущая против рожна и вразрез с Божьей волей, есть лишь относительная, временная, конечная власть, которая в конечном счете обречена на гибель. В этом отношении само право и закон являются инструментами власти лишь в той мере, в какой они проистекают из благой воли Бога, из идеи добра и справедливости, а не зла и произвола. «Сама жизнь, – писал Ф. Ницше, – ценится мною, как инстинкт роста, устойчивости, накопления сил, вла-

сти: там, где недостает воли к власти, там упадок» [12]. Потому, если человек не накапливает в себе силы в духе Божиим, но отпадает от Бога и рачиточает даже то, что ему дано свыше, то он, независимо от его кажущегося временного благополучия и влияния, неизбежно обрекает себя на разрушение и смерть [45].

В этом контексте понятие власти имеет следующие степени. Абсолютная, безмерная, вечная, животворящая, все упорядочивающая, надлежащая власть только у Господа Бога. Вторая после нее истинная власть есть власть человеческой совести, т. е. сила более или менее адекватного осознания, отражения и решимости исполнения Слова и воли Бога, которая исходит из чистой души любящего, верящего, творящего и сильного духом человека. Третья по степени власть есть духовно-политическая легитимная власть национально-государственного предводителя, по совести несущего ответственность перед Богом и своим народом. Четвертая по данной градации власть есть власть, которая исполняет волю национального предводителя посредством издания соответствующих законов и правосудно применяет их в практической жизни. Пятая власть есть бытовая власть народного духа, обычно выраженного в общественном мнении, которому не чуждо высокое правосознание и чувство ответственности перед Богом и своей совестью, своим национальным предводителем, его законами и их исполнителями [14]. Шестая власть есть власть семейная, т. е. отцовская власть мужа над остальными членами семьи, а также старших членов семьи над младшими. Седьмая власть – это самоуправленческая власть

разного рода общественных союзов (в том числе и политических партий), объединений и кооперативов. При нарушении данной иерархии, т. е. соподчиненности властей, ни в одном человеческом обществе не может быть устойчивого правопорядка. Так, например, если в каком-либо обществе люди не слушаются и не повируются заповедям Бога, императивам своей совести, не уважают авторитет своего национального предводителя, а также исполнителей его законов и политико-экономических инициатив, то в этом обществе вместо порядка будет анархия и хаос, деградация и разрушение. Если же все власти имели бы тесный контакт с первой властью и следовали бы ей, то в данном обществе установилась бы теократическая власть избранного и образцового народа.

Очевидно, что в этом смысле мнение Б. Спинозы о том, что «Бог никакого владычества над людьми не имеет иначе, как только через тех, кто обладает властью» [15], – является не просто научно необоснованным, но, прежде всего, маловерным и бессовестным недоразумением, поскольку оно отрицает существование всякой человеческой совести у людей и их способность напрямую руководствоваться в своих действиях образцами заповедей Божиих без вмешательства каких-либо земных властей. Тем не менее, в силу греховности и неверия, безбожности и бессовестности многих людей, человеческая власть на земле необходима для предотвращения анархии и хаоса и поддержания стабильного правопорядка [16].

Обладание властью на земле на самом деле не есть всего лишь какая-то односторонняя привилегия, но, прежде всего, большой богоданный кре-

дит для служения Богу для поддержания социального правопорядка и во благо личного спасения и духовного освобождения своего народа [17]. В противном случае власть, данная свыше человеку, может обернуться началом его личной трагедии, а также стать причиной для беспокойства окружающих его подвластных людей. Многие безбожные и бессовестные люди гонятся за властью по разным причинам: для приобретения личной славы, богатства и высокого положения в обществе и т. д. [18]. Однако основной причиной этого является отчаянное бегство этих людей от своего духовного одиночества, разобщенности с Богом, своей сущности, достоинства и призвания, невежественное и тщетное стремление хотя бы временно заполнить свой душевный пробел мирскими благами и отвлечься от смертельной тоски. Однако после потери власти и былой славы такие люди, особенно более или менее душевно и интеллектуально тонкие и высокоорганизованные, обычно впадают в тщательно прикрываемое уныние, поскольку постепенно начинают с ужасом сознавать бессмысленность своей жизни и трудность, если не невозможность, возвращения своих духовных долгов своему жизне- и властедателю, поскольку понимают, что всю жизнь, собирая плотские блага, они в то же время безбожно расточали свои духовные силы, предназначенные для служения своему Творцу, тем самым превращая себя в духовных и моральных банкротов. Те же, кто, в силу своего неверия и потери совести, все еще надеются на восстановление своей былой славы, власти и авторитета в глазах своего провинциального круга, с потерей этой тщетной надежды уже не могут скры-

вать своего уныния, впадают в глубокое отчаяние, медленно и мучительно умирают, либо, если слишком горды и нетерпеливы, как правило, в состоянии постоянно преследующего его чувства безысходности либо психически заболевают, либо поспешно накладывают на себя руки. Это подтверждается многими фактами истории и повседневной жизни.

Власть в форме местного, национального или международного авторитета, совета или принуждения необходима для укрощения неправомысленных искушений и действий неспособных к свободному и ответственному самоуправлению людей, которые, кроме государственной власти и принуждения, ничего не боятся, не сознают и не признают [13]. В этом смысле государственная власть представляет собой силу, которая необходимо заменяет или дополняет несознаваемую безбожниками и бессовестными людьми над собой меру божественной власти. Небезызвестный прагматик Н. Макиавелли по этому поводу предупреждал правителей о следующем: «Надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера иссякнет, заставить народ поверить силой, ибо нрав народа непостоянен» [19].

Достаточно важной является проблема соотношения меры власти и повиновения, меры правомысленности, легитимности власти и меры необходимого принуждения людей. Если бы все люди были бы уверены и убеждены в действительности той истины, что для их конечного духовного освобождения и спасения в вечной жизни необходимо только постоянно молиться о том, чтобы в их здоровом теле был бы также и здоровый дух, а также были бы способны достичь этой конечной цели самостоятельно, то вся-

кая власть, будь то государственная, церковная или любая иная, не имела бы смысла или какой-либо пользы, ибо не было бы необходимости в духовном детоводительстве. Дело в том, что необходимость всякой неправомысленной власти создается и поддерживается наличным неверием, невежеством и неспособностью многих безбожных и бессовестных людей различить свет от тьмы, благо от зла, правомысленное от неправомысленного [20]. Им, в отличие от боголюбящих и просвещенных людей, понятна власть грубой силы более, чем власть права, т. е. истины и воли Божией, поскольку их разум, глаза и уши объаты либо животным страхом, либо похотью своих желаний и стремлений. Для прояснения рассудка и сдерживания страстей духовных и нравственных дикарей, а также для защиты добрых и разумных людей от их неправомысленных действий и существуют земные власти, которые наделены законным правом внушения, вразумления, целесообразного принуждения и наказания правонарушителей.

Концепция Божественного или духовного происхождения земной власти в той или иной мере составляет основу всякого государственного устройства, конституции и законодательства. Всякая власть дана Богом к созиданию, а не к расстройству [4, 2 Кор. 10: 8]. Господь говорит: «Мною цари царствуют и повелители узаконят правду» [6, Притчи, 8: 15], поскольку право, как узаконенная правда Божия (вспомните «Русскую Правду» как источник действующего права на Руси) [21], составляет фундамент всякой правомысленной конституции, власти и силы [4, 1 Кор. 4: 21; Лук. 4: 32]. Право является основным ориентиром управления обществом,

т. е. формой и способом узаконения и реализации воли Бога на земле, поскольку является корнем слова управление, которое означает не что иное, как организованную реализацию всякой истинной и жизнеспособной власти согласно идее права [4, 1 Кор. 2: 26]. В этом аспекте сами государственные служащие работают на постоянной профессиональной основе и получают жалование, основанное на податях, налогах, сборах и иных платежах, поступающих в государственную казну [4, Рим. 13: 1–7]. В процессе устойчивого управления верующим и имеющим совесть личностям всегда Богу следует повиноваться больше, чем людям, поскольку должна утверждаться Его правда, а не правда какого-либо, даже самого могущественного человека, и никакой богопротивный акт не может быть правомерным и достойным послушания, повиновения и исполнения.

Священное Писание содержит в себе зачатки идеи соразмерного функционального распределения законодательной, исполнительной и судебной власти государства [22], ибо «Господь Судия наш, Господь Законодатель наш, Господь Царь наш: Он спасет нас» [6, Ис. 33: 22]. В этом аспекте функциональное распределение между людьми единой государственной власти на самом деле не есть разделение власти, а только функциональное распределение единой, неделимой власти Бога и его народов, ибо всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит [4, Мат. 12: 25]. Интересно то, что в мемуарах французского короля Людовика XIV развивается мысль о том, что власть, которую наделены короли, есть делегация

Провидения Бога; источник власти в Боге, а не в народе, и потому короли дают отчет за свою власть одному Богу, который наделил их ею [23]. Кстати, эта идея короля-государства довольно созвучна древнелатинскому изречению о том, что король есть наместник и слуга Бога на земле и должен служить не человекам, а Богу и закону [24]. Абсолютная власть Бога едина, ибо в конце концов «Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя Его – едино» [6, Зах. 14: 9], а люди будут иметь единым мотивом своего служения любовь [4, Иоан. 21: 15; 2 Кор. 5: 14; Откр. 2: 4–5]. Царство же и власть, и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого царство вечное и все властители будут служить и повиноваться Ему [6, Дан. 7: 27]. Люди духовные, надеющиеся на призвание воскресшего из мертвых Иисуса Христа и ощущающие в себе безмерное величие Его непреходящего могущества и державной силы, будут ведомы Духом Святым, Который наполняя все во всем, окажутся превыше всякой земной власти, господства, начальства, силы и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем [4, Еф. 1: 17–21].

В Царстве Божиим правоверным будет дана вся власть на небе и на земле и Иисус посредством своих учеников и духовных людей научит все народы во имя Отца и Сына и Святого Духа [4, Мат. 28: 19]. Духовно просвещенные люди будут иметь единого Отца, Который на небесах, и единое, вечное небесное Отечество [4, Мат. 23: 9]. А после Судного дня навсегда придет конец всякой власти и силе [4, 1 Кор. 15: 24], которые уступят свое

место благой воле Бога, идее чистого, беспримесного права, которая укажет рациональный путь духовного освобождения через познанную истину и спасение через веру в вечной жизни. «Царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» [4, Откр. 11: 15], – сказано в Священном Писании о грядущем времени. Однако до наступления этого момента всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящиеся власти, противятся Божию установлению. И противящиеся навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых [4, Рим. 13: 1–3], и потому земным властям надобно повиноваться не только из-за страха, но и по совести [4, Рим. 13: 5].

Всякая власть дана Богом, и потому она реальна и действенна, но чтобы быть также легитимной, она в то же время должна быть также авторитетной, пользующейся доверием подвластных, иначе она не может нормально функционировать и долго устоять. «Подлинный авторитет, – писал С. Л. Франк, – не порабощает нас, не содержит ни малейшего принуждения; он есть такой же итог свободного признания в силу внутренней достоверности, как истина, усмотренная из личного опыта» [25]. Именно в авторитетности власти состоит истинная легитимность, (кстати, слово легитимность происходит от латинского слова *lex* – закон) законность и благонадежность власти, которой доверяют люди во всех ее естественных формах: религиозной, нравственной, государственной, родительской или личной. По мнению П. П. Лаврова, личность

или группа личностей, которые сохранили за собой функцию истолкования обычая или верования и применения ее к частным случаям, образовали прочное зерно государственной власти [26]. «Легитимность, – писал американский социолог права С. Липсет, – означает способность системы породить и поддерживать веру народа в то, что ее политические институты в наибольшей степени отвечают интересам данного общества» [27]. Кризис власти, как правило, наступает тогда, когда власть не употребляется по своему назначению, а только злоупотребляется в личных эгоистических интересах и целях вопреки воле Бога и Его заповедей, высших ценностей и общих целей, во вред себе, обществу, стабильному миру и правопорядку.

Понятия правомерности и легитимности неоднозначны так же, как и понятия права и закона, поскольку власть может быть абсолютно правомерной, но нелегитимной в определенной мере, и наоборот, власть может быть относительно неправомерной, но легитимной на определенное время и для определенной части конкретного народа. Например, когда фарисеи и законники спросили Спасителя, какую Он властью творит все невиданные и неслыханные ими чудеса и кто дал Ему такую безмерную власть лечить больных и воскрешать мертвых, то Спаситель воздержался от ответа, поскольку заранее знал, что те, в своих попытках искушать и испытать Его, все равно не захотят поверить Ему и что в их глазах Его власть всегда останется нелегитимной [4, Мат. 21: 23]. Такая нелегитимность власти, разумеется, является правомерной, ибо здесь оказывается недоверие народа к воле Бога, которая является источником и основанием

всякой правомерной власти. Что касается неправомерной легитимности власти, то она всегда связана с жизнедеятельностью всякого рода лжепророков, колдунов, демагогов, самозванных правителей, дорвавшихся до власти, которые, будучи сами во мраке невежества или зависти, властолюбия и богатства, становятся кумирами своих легковерных избирателей или даже большей части своего народа. Например, Ленин, Муссолини, Гитлер и им подобные смогли своим краснбайством и организаторскими способностями временно добиться суеверного доверия определенной части населения и властно руководить своими народами до своей насильственной, неестественной смерти. Разумеется, существование таких тиранов допущено было Господом для поучения массы неверных, суеверных или легковерных людей, поскольку Господь по Своему усмотрению создает и использует таких злодеев в качестве орудия для массового наказания своих противников и испытания верных Себе мучеников для их же блага и спасения. Однако правомерность и легитимность такой публичной власти является относительной, временной, ибо только истинная и постоянная власть в конечном счете обнаруживается и занимает свое достойное место в абсолютном и долговечном бытии мироздания.

Всякая личная или публичная власть, прежде всего, имеет духовное основание, поскольку истинное народное доверие (т. е. отношение, по своему качеству и уровню доведенное до веры) есть всего лишь часть и следствие истинной веры. Попытаемся это показать на одном историческом факте. Когда англичане задумали покорить Индию, то они начали именно

с того, чтобы сперва нашли необходимым разрушить религию индуистской армии, а затем уже использовать другие экономические, политические и законодательные средства для этой цели [28]. Правомерная власть, по мнению Л. Дюги, есть определенная граница государственной силы, и государство есть не что иное, как сила, отданная на служение праву, т. е. воле Бога [29]. Чтобы власть была правомерной и достаточной, сила права должна быть дополнена целеположенным правом силы, а не наоборот, ибо право безбожной силы не есть собственно право, но здесь и там проявляющийся факт человеческого невежества и произвола, который может всего лишь казаться правом, пока не столкнется с еще большей и неодолимой силой, аннулирующей ее. А в этом ряду векторно-силовых столкновений всемогущим является только Бог, с Его абсолютным авторитетом, могуществом и неизменной благой волей. Конечно, при различных социальных перипетиях (всякого рода войнах, переворотах, стихийных бедствиях и иных чрезвычайных обстоятельствах), которые дестабилизируют нормальное состояние общества, физическая или иная грубая неправомерная сила и произвол могут временно стать существенным и даже доминирующим фактором в формировании общественных отношений. В таких экстремальных ситуациях и обстоятельствах (при всякого рода государственных переворотах, революциях, стихийных массовых бедствиях и т. д.) власть, славу и богатство внезапно получают самые неправомерно активные, наглые, продажные, беззастенчивые и преступные люди, нередко вчерашние разбойники, жулики, актеры, фокус-

ники, воры, проститутки и т. п. (например, по сообщению из Всемирной информационной паутины, знаменитому актеру и политику Арнольду Шварценеггеру скоро предстоит вновь побороться за пост губернатора Калифорнии. И оппонентом Арни вновь стала известная в Америке порноактриса Мэри Кэри. В 2003 году Кэри впервые заявила о желании баллотироваться на высокий пост. Тогда это выглядело как шутка. Сегодня порнозвезда настроена куда серьезнее. – Смотрите, я одета по-деловому, у меня новая грудь, зубы и прическа! – уверенно заявила Мэри. Правда, мало верится, что порнозвезда сможет серьезно конкурировать с Арнольдом. Из 164 тысяч голосов избирателей, необходимых только для регистрации в кандидаты, Кэри собрала пока лишь 40...), которые всегда пытались наполнить свою духовную пустоту суррогатом мирских ценностей и вожделенного смысла, по которым они долго лелеяли свою завистливую тоску. Обычно таких людей общество (вернее, с ними совластвующее ближайшее окружение) возводит в ранг национальных героев, делает из них кумиров для подражания, устраивает для них торжественные приемы или пышные похороны и увековечивает память о них рукотворными идолами-памятниками. Постоянным лозунгом для таких «героев» и «рыцарей на час» является их суеверная идея о том, что великие вопросы эпох разрешаются не речами и не голосованием большинства, но железом и кровью [30].

Прежде всего, следует отметить, что истинная власть как мера упорядочивающей способности [31] может проявляться в форме всякой правомерной силы и государствен-

ного принуждения для установления или поддержания должного порядка в человеческом обществе. Однако не всякая влиятельная сила и способность устанавливать «свой порядок» и подчинить других своей воле (принуждение, в том числе юридически применяемое от имени государства) являются обязательными атрибутами истинного понятия «власть». Дело в том, что та или иная шайка разбойников или даже наделенный государственными полномочиями богоборец-тиран имеют возможность, пользуясь моментом или случаем, грабить или насиловать временно зависящих от них людей. Такая сила произвольного принуждения и «упорядочивания» не имеют ничего общего с непреходящей идеей и понятием права, а также надлежащего и долговременного порядка. Такая сила и возможность, напротив, нарушает всякое право, должную меру и порядок. А то, что нарушает истинный правопорядок, не может в конечном счете считаться истинным, правомерным и целесообразным. Посему истинная власть может быть только правомерной силой и способностью наводить и поддерживать надлежащий (небесный) порядок на Земле. Такая власть может проявляться и реализовываться также без применения грубой силы и принуждения, посредством авторитетного убеждения, просвещения, положительной (совестливой) стимуляции подвластных людей, не теряя себя, стать неким единым целым – народом и государством. Без насилия и произвола эта способность наводить порядок согласно непреходящей идее и определению права [32], как проявления воли Господа Бога, вовсе не перестает быть и оставаться истинной властью.

В то же время всякая неправо-

мерная, хотя и реальная сила, насилие и принуждение-подчинение без идеи права, меры и надлежащего порядка являются случайными, временными и, стало быть, неистинными. Иными словами, грубый произвол и способность неправомерного, случайного-подчинения и «упорядочения» безбожных, бессовестных, духовно непросвещенных и нравственно диких людей, которые имеют возможность произвольно пользоваться выгодным для себя моментом и обстоятельствами для несправедливого подчинения своей воле других людей, никогда не могут претендовать на истинное понятие власти, даже если она облечена в форму государственных символов, законов и официальной политики [33]. Например, если вооруженная шайка разбойников ночью внезапно нападает на незащищенных людей и принуждает их отдать им свое имущество, свободу или жизнь, то она имеет временную (случайную) «власть» над своими жертвами в обывательском смысле этого слова. В научно-правовом же смысле такое проявление грубого, насильственного принуждения людей является не чем иным, как совершением «неправды» (т. е. того, что противно идее и понятие «права»), греха, правонарушения и преступления (разбоя), но не понятия власти, даже если эта «шайка разбойников» каким-то образом дорвалась до «командных высот» публичной власти [5].

В современной научной литературе понятие власти известные российские государствоведы обычно связывают с такими понятиями, как «коллектив», «территория», «государство», «политика», «насилие», «принуждение» и т. д. [34]. Разумеется, в правовом контексте понятие

«власть» имеет своими атрибутами все изложенные выше понятия и отражаемые ими явления социальной жизни. Дело в том, что любая правомерная власть может принадлежать также определенному коллективу, а не только одной личности; эта власть может реализоваться также на определенной территории, а не только в кругу определенных людей в разных территориях; эта территория может быть также государственной, а не только иностранной или «ничейной» (нейтральной); эта государственная власть может реализоваться также в соответствии сполитикой какой-то самозванной или победившей на свободных выборах политической партии. Такая власть может быть временно реализована также посредством грубой силы или принуждения, но не только посредством убеждения, просвещения, законодательного и организационного умеривания и упорядочения. Во всех случаях речь идет о каком-то более или менее ежедневном, постоянном, стабильном, упорядочивающем доминантном влиянии тех, кто обладает имманентной способностью, силой и временной возможностью устанавливать «свой порядок» на определенной территории в качестве надлежащего образца для нормальной жизни.

В этом аспекте, разумеется, что «власть чарующей красоты женщины, ораторского таланта, тамады на застолье друзей, организаторов-распорядителей на митинге, дрессировщика в отношении прирученного им зверя» и т. п. является чем-то вроде временной, быстротечной, изменчивой моды, чтобы называться правомерной публичной властью. Таким образом, не всякое влияние, подчинение своей воле, регулирование и принуждение

являются властью в истинном, широком смысле этого слова, даже если все эти моменты проявляющегося влияния имеют коллективный, территориальный, государственно-политический и принудительный характер. Дело в том, что субъект истинной власти имеет способность управлять людьми в определенном пространстве, и не только территориальном, поскольку государство способно управлять также своими гражданами, которые временно пребывают за пределами его границ. А слова «управление», «государство» и «правосудие» имеют своим корнем идею «права» и «суда». Так что понятие публичной власти без понятия права и правосудия в фундаментальной юриспруденции немислимо [35, 42].

Так, например, можно представить себе огромную массу различных человекообразных существ во главе с их организационным вожаком или политическим лидером, которые заняли какую-то незаселенную ранее территорию, провозгласили себя государством, приняли свои законы, разработали свою политику и путем принуждения стали своевольно реализовывать какие-то свои цели и принципы, которые несколько не связаны религиозными ценностями, идеей права, понятиями правомерности, добрыми традициями и обычаями. Разве их «власть» могла бы выдержать долгосрочное испытание временем, устойчивым миром и порядком, если их «порядок» создает угрозу для мирной и правомерной жизни других людей или соседних народов? Отнюдь нет. Потому что такая самовольная «власть» есть не что иное, как грубый и кратковременный произвол «человекозверей» и «организованный ими локальный хаос», если, конечно, смотреть на это с позиций широкого

и глубокого понимания надлежащего порядка и правомерного развития человеческого общества независимо от его временных (преходящих) и количественных параметров: численности населения, масштаба занимаемой им территории, эффективности применяемого принуждения и т. д.

Истинному понятию «власть» соответствуют понятия не «массы человекообразных существ», не «населения», не управляемой или самоуправляемой толпы – «охлократии», а понятие «народа», т. е. взятого в удел Господом Богом людей, которые имеют единую душу, непреходящие духовные ценности, цели, принципы общежития, национального языка, истории, обычаев, традиций, искусства, науки, культуры и т. п. [36, 43]. Без этих долговременных параметров понятие всякой власти абстрактно, несостоятельно и бесперспективно так же, как после «вавилонского столпотворения». Разве можно написать конституцию для «еще не народа», т. е. бездушного и безответственного дегенерирующего сброда, лишённого всех перечисленных выше свойств и качеств, и может ли даже самая совершенная конституция (система законов) целесообразно действовать для блага такой «людской массы»?! Стало быть, о духовных и качественных явлениях социально-правовой жизни надобно соображать духовно и качественно, а не по-видимому и количественно, наукообразно жонглируя такими количественными показателями, как «население», «территория», «политика», «принуждение» и т. п. Только с учетом качественных характеристик таких понятий, как Господь Бог – Создатель, взятый Им в удел «народ», «государство», «право», «правомерность», «закон», «пра-

вомерная политика», «ответственность», «законность», «легитимность» и т. д. Мы можем вплотную подойти к плодотворному рассмотрению того понятия «публичной власти особого рода». Все остальное, как-то: «федеральная власть», «власть субъектов федерации», «публичная власть органов местного самоуправления» и т. д., – представляет собой различные меры, масштабы этой особой публичной власти в духовно-нравственном и политико-правовом контексте этого слова [37, 44].

Что касается многообразных определений понятия «власть народа» или «публичная власть», то эти определения истинны в той мере, в какой они имеют под собой духовную и рациональную основу, поскольку, как еще в свое время точно заметил Гегель, право также изначально имеет духовную почву. Именно поэтому, при всей интеллектуальной гениальности классиков марксизма-ленинизма, все данные ими определения понятия «права», «государства» и «власти», в частности «власти народа», являются истинными отчасти, поскольку классики выдали увиденное ими очевидное (проявление) за реально невидимое (сущее), созданное Сущим, Творцом всего на свете, которого они, охваченные сатанинской прелестью, в упор не желали видеть и потому не увидели созданное Им в полной мере. Соблазненные, подобно Адаму и Еве, призывами дьявола «быть как боги», эти духовно «слепые поводыри слепых» решили вместо адекватных объяснений «самого совершенного из всех миров» (*mundussicestoptimum*) (Лейбниц) мира сразу революционным образом перейти к изменению этого ненавистного им мира посредством лукавого и ложного (политиче-

ского, а не духовного!) объединения всех пролетариев мира, которым, якобы, нечего было терять, кроме своих цепей. Не имеющие любви, веры и лучшей надежды, потерявшие свои души классики-материалисты не увидели и потому не оценили бесценной души каждого угнетенного пролетария и духовно обанкроченного буржуа. Как впоследствии показала нам жизнь, эта бессмертная и бесценная душа каждого Божьего создания («храма души») так и не нашла какой-либо замены в наше время, как и во все времена [38].

В поисках необходимых условий для правомерной реализации верховной публичной власти И. Кант в свое время писал: «Власть необходима; это бесспорно. Но организовать ее есть проблема величайшей трудности. Эта трудность состоит в том, что власть должна быть справедлива и, однако же, должна принадлежать человеку. Мы начинаем с того, что человек должен иметь над собой господина, и кончаем тем, что делаем господином человека же» [39]. На нашей грешной земле нередко властвуют люди, которые лишены духа и силы Божия [4, Рим. 2: 4–5; 1 Кор. 3: 19], которые не признают над собой и в себе ничего высшего и святого, но желают использовать данную им власть в корыстных и мелко эгоистических целях, поскольку суетно верят в то, что правителей и судей не судят на земле. О таких тщеславных властолюбцах в Откровении от Иоанна Богослова сказано так: «И поклонятся ему (красному дракону) все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира. Кто имеет ухо, да слышит. Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом избивает, тому самому подлежит быть убиту мечом. Они при-

мут власть со зверем, как цари, на один час» [4, Откр. 13: 8–10; 17: 13]. Однако они просто не верят и не ведают о том, что «князь мира сего изначально осужден, обречен по правде Божией и будет изгнан вон» [4, Иоан. 12: 31], поскольку высшая власть происходит от Бога, который не потерпит произвола самозванных властолюбцев и корыстолюбцев, в какой бы форме (официальной или воровской) этот произвол ни проявлялся бы в повседневных мирских взаимоотношениях людей.

Для того чтобы в очередной раз не обмануться и не вводить в заблуждение разумеющих нас читателей, будем всегда стремиться находить прежде всего духовную, а затем и научную основу понятия «власть», «власть народа» в истинных понятиях «народ», «идея права», «правомерность», «правомерное государство», «правомерные законы и политика», «правовая ответственность», «правопорядок», а также способность воссоздавать и поддерживать все перечисленное в наших душах и умах, в наших семьях, в наших трудовых коллективах и творческих союзах, государствах и самоуправляемых территориях [40]. Возможно, что это и есть тот искомый, вероучительный и «новый поход» к решению проблем, касающихся всякой реальной личной или публичной власти. Представляется, что всякие иные науко-образные и провинциальные подходы к решению таких непростых духовных и глобальных проблем заранее обречены на неудачу [41], поскольку всякая производная человеческая сила или частичная истина прекращается над всеми лежащей неодолимой силой Божественной Истины, целой и совершенной, побеждающей, подчиняющей и покоряющей все [4, 1 Кор. 13: 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипян Б. А. Новый правовой завет депутатам парламентов мира, или конституционная система правовой ответственности законодателей // Представительная власть-XXI век. – 2003. – № 1. – С. 14–18.
2. Осипян Б. А. Новый правовой завет депутатам парламентов мира, или конституционная система правовой ответственности законодателей // Представительная власть – XXI век. – 2003. – № 4. – С. 20–21.
3. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна, 6.1. – СПб., 1909. – С. 7.
4. Библия. Новый Завет.
5. Осипян Б. А. Критерии правомерности типов и форм государства // История государства и права. – 2007. – № 18. – С. 7–11.
6. Библия. Ветхий Завет.
7. Православный календарь. – СПб., 2003. – С. 149.
8. Осипян Б. А. Корень понятия «правомерность» // Современное право. – 2008. – № 1. – С. 69–80.
9. Осипян Б. А. Соотношение и связи объективного закона, права и юридического закона // Общество и право. – 2010. – № 4(31). – С. 40–45.
10. Непреходящая идея права и соотношение международно-правовых принципов самоопределения народов и территориальной целостности государства [Электронный ресурс] // Аналитикон. – 2010. – № 10. – Режим доступа: <http://analyticon.org>.
11. Осипян Б. А. Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. – 2012. – № 1.
12. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1991. – С. 635.
13. Осипян Б. А. Основание и система правовой ответственности // Современное право. – 2007. – № 5. – С. 77–85.
14. Осипян Б. А. Атлас правомерной законодательной политики, основанной на ступенях развития религиозного самосознания и преданности // Представительная власть. – 2007. –

- № 5.
15. Спиноза Б. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. – М., 1957. – С. 248.
 16. Осипян Б. А. Государство как временная мера социального «детовождения» // История государства и права. – 2007. – № 2. – С. 37–40.
 17. Осипян Б. А. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года как первый русский конституционный образец единой христианско-правовой идеологии // Государство и право. – 2011. – № 10. – С. 95–104.
 18. Осипян Б. А. Причины издания и совершения неправомерных актов: духовные, научные и практические аспекты // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 71–78.
 19. Макиавелли Н. Хрестоматия по политическим и правовым учениям. – М., МГУ, 1996. – С. 62.
 20. Осипян Б. А. Правомерный закон и законодательный произвол // Адвокат. – 2009. – № 7.
 21. Осипян Б. А. «Русская Правда» как зародыш русского права // Lex-Russica. 2011. – № 4. – С. 651–667.
 22. Осипян Б. А. Функциональный характер принципа разделения государственной власти // Право и государство. Аграрное и земельное право. – 2008. – № 12. – С. 116–121.
 23. Дюги Л. Конституционное право. – М., 1909. – С. 30–31.
 24. Латинские изречения. – М., 1996. – С. 343, 355.
 25. Франк С. Л. Духовные основания общества. – М., 1990. – С. 282.
 26. Лавров П. П. Государственный элемент в будущем. – Петроград, 1920. – С. 33.
 27. Lipset S. Political Man. – New York, 1960. – P. 80.
 28. Хрестоматия по новой истории 1640–1870. – М., 1990. – С. 236.
 29. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. – М., 1908. – С. 5.
 30. Бисмарк О. История государства и права зарубежных стран. – Л., 1977. – С. 263.
 31. Осипян Б. А. Власть как богоданная мера упорядочивающей способности // Представительная власть–XXI век. – 2006. – № 2.
 32. Осипян Б. А. Определение понятия права // Современное право. – 2007. – № 2. – С. 34–42.
 33. Осипян Б. А. Политико-правовые и идеологические концепции как основание формирования государственно-конституционной системы общества // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 61–71.
 34. Чиркин В. Е. О территориальном публичном коллективе и власти народа // Представительная власть–XXI век. – 2006. – № 5. – С. 3–5.
 35. Осипян Б. А. Русский язык как ключ к познанию духа русского права // Современное право. – 2007. – № 9. – С. 23–29.
 36. Осипян Б. А. Дух правометрии, или основание межерологии права. – М. : Юрлитинформ, 2009.
 37. Осипян Б. А. Соотношение и взаимодействие норм религии, права и закона // Религия и право. – 2003. – № 3. – С. 18–21.
 38. Осипян Б. А. О правоохраняемых духовно-нравственных ценностях, которые конституционализируют жизнь каждого человека и народа // Вопросы правоведения. – 2010. – № 4 (8). – С. 150–166.
 39. Новгородцева П. И. Лекции по истории новой философии права XVI–XIX вв. – СПб., 1912. – С. 284.
 40. Осипян Б. А. Истоки идеи публичной власти в форме народного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5. – С. 7–12.
 41. Осипян Б. А. Изначальная несостоятельность идеи мирового государства // Вопросы правоведения. – 2013. – № 4. – С. 427–439.
 42. Осипян Б. А. Возможности укрепления правовых основ российского государства органами конституционного правосудия. – М., 2009. – С. 3.
 43. Осипян Б. А. Взаимодействие норм науки, искусства и права // Современное право. – 2005. – № 9. – С. 79–83.

44. Осипян Б. А. Влияние различных религий на право и законы народов // Религия и право. – 2007. – № 3.

45. Осипян Б. А. О необходимости религиозного измерения права // Представительная власть–XXI век. – 2005. – № 2. – С. 26–28.

Осипян Борис Арташесович, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»: Россия, г. Москва, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1.

Тел.: (495) 939-10-00
E-mail: artos5@mail.ru

LAWFUL CONCEPT OF PERSONAL AND PUBLIC POWER

Osipyany Boris Artashesovich, *Cand. of Leg. Sci., Ass. Prof. Russia.*

Keywords: *personal and public power; theoretic essence of power; social importance of lawful power and management.*

The author of the article “Lawful concept of personal and public power” uncovers the theoretic essence and social importance of any lawful power and management.
